

«ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЭСТАФЕТ» М.А. РОЗОВА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ЭТНОМУЗЫКОЗНАНИЯ

М.Н. Дрожжина

Новосибирская государственная
консерватория (академия) им. М.И. Глинки
info@conservatorie.ru

Статья посвящена исследованию возможностей использования в этномузыкалогических исследованиях универсальной концепции М.А. Розова, раскрывающей действие базовых механизмов социальной памяти.

Ключевые слова: социальная эстафета, музыкальная традиция, фольклор, устное профессиональное творчество, методология науки.

При всей специфичности отдельных отраслей научного знания существуют универсальные параметры и концепции, методологически значимые для самых различных, зачастую далеких друг от друга областей науки. В современном науковедении такие концепции представлены как базовые, обеспечивающие фундаментальные основы развития научного знания. Среди авторов подобных концепций – выдающийся отечественный философ Михаил Александрович Розов¹.

В отечественную историю М.А. Розов вошел как талантливый ученый, автор фун-

даментальных трудов в области теории познания и философии науки, основатель школы методологии науки.

Его научные интересы были посвящены методологическим проблемам познания, выявлению закономерностей воспроизведения человеческого поведения и деятельности по существующим образцам (т. е. базовых механизмов социальной памяти, лежащих в основе языка и речи, в основе познания, науки и культуры в целом).

С именем М.А. Розова связаны выдающиеся открытия, включающие осознание механизмов научных новаций, методологических проблем анализа систем с рефлексией, связей научных дисциплин. Все эти проблемы осмыслены ученым в рамках развиваемой им (начиная с середины 60-х годов XX века) теории социальных эстафет.

Согласно основной идее данной теории бытие социальной реальности носит куматовидный, волноподобный характер². Социаль-

¹ М.А. Розов (13.05. 1930, Смоленск – 29. 01. 2011, Москва) – российский философ, социолог, автор четырех монографий и множества статей. С 1958 по 1981 год жизнь ученого была связана с Новосибирском (куда он приехал после окончания ЛГУ) – с Сибирским отделением АН СССР, с Новосибирским государственным университетом. В университете М.А. Розов читал ряд философских курсов, среди них «Введение в философию», «Диалектический материализм», «История философии». Историческое значение для развития научного знания имеет действовавший в Новосибирском Академгородке (60–70-е годы) семинар М.А. Розова по эпистемологии и философии науки.

² Единичная социальная эстафета получила название «куматоид» от греческого «кума» – волна, отсюда теория также именуется теорией социальных куматоидов, или куматовидной теорией См.: На тевеной

ная эстафета – это своеобразная волна, которая распространяется в определенной среде, включает в себя все новые и новые элементы. Механизм распространения социальных волн основывается на способности человека действовать по неким заданным моделям деятельности – образцам: «Образец – это нечто всегда непосредственно данное, нечто такое, что можно продемонстрировать»³.

Эстафеты могут быть в той или иной степени сформулированными и записанными («инструкции»), но чаще они проявляются как неявное знание, которое передается от человека к человеку или от поколения к поколению на уровне воспроизведения непосредственных образцов⁴.

По своей сути теория социальных эстафет представляется развитием деятельностного подхода в науке.

Значимость теории для последующего развития научного знания невозможно переоценить. На базе возникших на ее основе эстафетных моделей знания, науки и культуры развивалась методология науки: построена эстафетная модель классификации как особой структуры социальной памяти (С.С. Розова⁵), выявлены закономерности формирования научных дисциплин (А.С. Сычева⁶), определены способы бытия

стороне. Материалы к истории семинара М.А. Розова по эпистемологии и философии науки в Новосибирском Академгородке. – Новосибирск, 2004.

³ Там же. – С. 299.

⁴ В.С. Степин, В.Г. Горохов М.А. Розов. Философия науки и техники. – М., 1996.

⁵ Розова С.С. Классификационная проблема в современной науке. – Новосибирск, 1986.

⁶ Сычева А.С. Гносеологический анализ процессов формирования научных дисциплин: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – М., 1991. Одна из работ этого автора послужила непосредственным импульсом к формированию подхода, изложенного в настоящей статье (см.: Розов М.А. Понятие исследовательской программы // Исследовательские программы в современной науке. – Новосибирск, 1987).

и формы существования математических объектов (Ю.В. Пушкарев⁷) и т. д. На проявлении теории социальных эстафет как социальной памяти, выявляющей механизмы, обеспечивающие постоянное воспроизводство социума, основаны работы культурологов, библиотекведов, правоведов и представителей других отраслей науки⁸.

Универсальности обозначенной теории способствует разработанный М.А. Розовым единый концептуальный аппарат, основанный на том, что «воспроизведение деятельности по образцам, т. е. социальные эстафеты – это самый глубинный и фундаментальный механизм существования культуры, на который опираются все остальные социокультурные программы»⁹. При этом «действия каждого участника выступают в двух функциях: с одной стороны, они – образец для подражания, норматив, которому должны следовать остальные участники, но с другой – сами действия тоже нормированы и представляют собой продукт уже состоявшегося акта копирования, реализацию некоторой нормы»¹⁰.

В контексте проблематики настоящей статьи необходимо подчеркнуть, что «социальные эстафеты вовсе не исключают свободы человека, не исключают возможности творчества. <...> человек является актуальным или потенциальным участником огромного множества эстафет. Он мо-

⁷ Пушкарев Ю.В. Способ бытия и процессы формирования математических объектов : дис. ... канд. филос. наук. – Новосибирск, 2005.

⁸ См., например: Жукова М.Е. Законотворчество как социальная эстафета // Вестник МГОУ. Философские науки. – № 3. – 2011. – С. 70–75; Е.Н. Гусева. Теория социальных эстафет как подход в библиотекведении. – <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2010/disk/23.pdf>

⁹ Розов М.А. Понятие исследовательской программы // Исследовательские программы в современной науке. – Новосибирск, 1987. – С. 11.

¹⁰ Розов М.А. Проблемы эмпирического анализа научных знаний. – Новосибирск, 1977. – С. 74.

жет выбирать <...>¹¹. Участник социальной эстафеты – это человек, понимаемый как представитель определенной культуры (но не как биологический индивид).

В свете изложенного представляется парадоксальным факт: отечественное музыковедение по сей день не уделило должного внимания исследованиям М.А. Розова¹². В то время как труды эти, хотя и не имеют прямого отношения к музыкальной проблематике, в силу своей социокультурной парадигмы, универсальности выявленных в них принципов функционирования традиций предоставляют музыковедам новые и воистину безграничные возможности в изучении музыкального искусства и культуры.

Отдельные положения теории социальных эстафет (лежащей во главе угла разрабатываемой ученым методологии познания), могут вооружить исследователя как традиционной, так и академической музыки, включая ее самые современные проявления.

Кратко сформулируем положения, имеющие непосредственное отношение к заявленной в настоящей статье проблематике и характеризующие выявленные М.А. Розовым способы бытия традиций, учитывая, что «воспроизведение образцов, их «передача» от человека к человеку, от поколения к по-

колению и образует эстафету, в рамках которой предшествующие акты деятельности или поведения определяют, нормируют акты последующие. Мы имеем здесь дело с очень общей социальной закономерностью»¹³.

Итак, три варианта социальных эстафет (критерием дифференциации выступает способ передачи образца) выглядят следующим образом¹⁴.

• *Социальные эстафеты, осуществляемые путем воспроизведения непосредственных образцов поведения или деятельности.* Основные условия такой передачи традиции – усвоение необходимых умений через включение в жизнь и быт. Иными словами – это непосредственные эстафеты. Думается, не вызывает особых сомнений возможность (скорее необходимость) соотнесения данного типа эстафеты с фольклором, в том числе и музыкальным.

• *Социальные эстафеты, где традиция передается через описание деятельности или инструкции по ее осуществлению.* В данной ситуации предполагается та или иная форма обучения как вид деятельности с целью освоения этих норм и правил. При этом здесь, как и в первом случае, возникает необходимость непосредственного подражания (со стороны ученика) в процессе осуществления такой «инструктивной» эстафеты. Исследователи, в той или иной степени знакомые с проблематикой устной профессиональной музыкальной традиции¹⁵, без труда узнают

¹¹ На теневой стороне. Материалы к истории семинара М.А. Розова по эпистемологии и философии науки в Новосибирском Академгородке. — Новосибирск, 2004. — С. 154–155.

¹² Идея впервые была высказана автором настоящей статьи на Всероссийской научной конференции «Проблемы изучения традиционной культуры» (Новосибирская государственная консерватория (академия) им. М.И. Глинки. — Новосибирск, 17–19 марта), развивалась в процессе чтения авторского факультативного курса «Музыкальная культура Ирана»; она также была задействована в работе, где автор статьи выступила научным консультантом и редактором (Азизи Ф.А. Маком и фалак как явления профессионального традиционного музыкального творчества таджиков. — Душанбе, 2009).

¹³ Розов М.А. Методологические особенности гуманитарного познания. — Проблемы гуманитарного познания. — Новосибирск, 1986. — С. 43–44.

¹⁴ См.: Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. — Москва, 2008.

¹⁵ Суть основанного на ней типа творчества заключается в своеобразном «конструировании» автором-исполнителем своего произведения в соответствии с жесткими правилами. Иными словами, происходит импровизация в рамках канона. Каждое такое произведение существует только в момент своего живого звучания.

в предложенном варианте механизмы ее эстафеты.

• *Социальные эстафеты, где традиция представлена исключительно образом продукта деятельности.* И вся деятельность воссоздается по данному образцу. Вполне очевидно, что в музыкальном искусстве такая эстафета возникает в условиях письменной традиции – композиторского типа творчества.

В предварительном приближении в качестве приоритетных высвечиваются два уровня проблематики, связанных с функционированием традиций:

1) проблема реализации национальных традиций в композиторском творчестве;

2) целый спектр проблем традиционного искусства (речь идет о фольклоре и профессиональном творчестве устной традиции).

Второй уровень требует дополнительной дифференциации, анализа и пояснений. Уже это обстоятельство косвенно свидетельствует: наиболее актуальной методология М.А. Розова представляется для обновления исследовательского аппарата этномузыкологии.

Изложенные ниже соображения могут быть адресованы этномузыковедам, изучающим самые различные традиционные культуры. Однако особый интерес представляет теория М.А. Розова для музыкального востоковедения¹⁶. Это обусловлено такими важными факторами:

1) свойственное восточной культуре бережное отношение к традициям, обеспечившее более полную (по сравнению культурой западной) их сохранность и разнообразие способов передачи;

¹⁶ Об этом см.: Дрожжина М.Н. К проблеме изучения традиций в современной восточной музыкальной культуре // Музыка тюркских народов: своеобразие и вопросы популяризации / Сб. статей и материалов междунар. науч.-практ. семинара. – Алматы, 2011. – С. 31–37.

2) серьезная опасность, которой эти устные традиции, и в первую очередь способы их передачи, подвергаются в настоящее время – в период интенсивной вестернизации;

3) отсутствие универсального научного аппарата, позволяющего выстраивать систематизацию и выполнять аналитические процедуры. В силу этого статус целого ряда жанров остается неопределенным¹⁷.

Несмотря на высокий уровень обобщения, предложенная выше классификация типов социальных эстафет (с проекцией на музыкальное творчество) не только позволяет охарактеризовать способы передачи традиции во всех существующих пластах современной восточной культуры, но и определить «зоны неблагополучия», в которые попадает тот или иной жанр или традиция в целом. Сделать это не очень сложно. Достаточно обнаружить факт или заметить тенденцию к замене типа эстафеты. При этом опасность исчезновения жанра/традиции возникает лишь в том случае, когда изначально присущий им тип эстафеты полностью устраняется из практики.

Особенно наглядно это выглядит на примере жанров устной профессиональной традиции, где обязательным условием является способ ее устной трансляции от учителя к ученику¹⁸. Потеря данного способа – угроза существованию традиции¹⁹, несмотря на то что в реальности жанры отме-

¹⁷ В первую очередь это относится к некоторым обрядовым жанрам (где фольклорные обладают отдельными признаками профессионализма) или эпическим (профессионализм которых принимается с рядом оговорок).

¹⁸ Об этом см., например: Дрожжина М.Н. Художественная школа в каноническом искусстве: онтологический аспект // Музыка и ритуал: семантика, специфика: Материалы междунар. науч. конф. – Новосибирск, 2004. – С. 56–71.

¹⁹ Попутно отметим: в западной культуре эта традиция успешно потеряна.

ченной традиции будут существовать и изучаться благодаря, например, имеющимся нотным (как вариант – аудио-) записям. Это значит, речь пойдет о не свойственном жанрам типа эстафеты – эстафете по образцу продукта²⁰. Симптоматично, что последняя оказывается гораздо более «живучей».

В отношении фольклорной традиции в принципе происходит то же самое. Зададимся вопросом, является ли в полном смысле фольклором выученный по нотным или аудиозаписям и исполненный студентами фольклорный материал (даже если будут соблюдены внешние условия такого исполнения, скажем, в деревенском доме). Думается, вопрос этот дискуссионный, ибо свойственный фольклору способ передачи, требующий усвоения образца в процессе деятельности, не предполагает наличия специального обучения.

Что касается непосредственно проблем изучения описанных явлений, приблизительно до 70-х годов прошлого века существовала тенденция причисления к фольклору профессиональных жанров устной традиции, в настоящее время в целом преодоленная²¹. Однако помимо идеологических оснований в основе данной тенденции лежала нерешенность проблемы устного про-

²⁰ Данное соображение вовсе не означает, что исполнитель профессиональной музыки устной традиции не может знакомиться с тем или иным ее образцом в таком варианте. Но если он будет изучать ее исключительно в таких вариантах, не получив выучки в устном общении с учителем, изложившим те самые «правила деятельности», – традиция исчезнет.

²¹ Преодолено данной тенденции способствовали труды А. Мухамбетовой, С. Елемановой, отстаивающих профессиональный статус традиционной музыки казахов. Аналогичные позиции занимал целый ряд ученых, изучающих музыкальное искусство и культуру других народов. Среди них Ф. Кароматов, А. Джумаев (Узбекистан), А. Ражабов, А. Абдурашидов (Таджикистан) и др.

фессионализма в целом, проблемы, которая и по сей день остается актуальной. Не разработаны стабильные критерии собственно профессионализма (в том числе и музыкального), ряда конкретных жанров, не разработан универсальный научный аппарат.

Безусловно, руководствуясь только представленными выше принципами теории М.А. Розова, невозможно решить обозначенные проблемы. Но если учитывать еще целый ряд положений его концепции, можно серьезно продвинуться в столь важном направлении. А это значит, ориентироваться не только на способ передачи образца, но и такие предложенные ученым параметры эстафеты, как форма передачи, соотношение эстафеты, с целенаправленностью²², осознанностью действия, типы копирования образца²³, поле возможных реализаций, наличие характеристик: кто и кому передает, что передается и т. д.²⁴

Еще раз подчеркнем, что изложенные по поводу трудов М.А. Розова соображения могут быть проецированы на лю-

²² По М. Розову, степень целенаправленности действия в рамках эстафеты служит своеобразным критерием ее «возраста», ступени эволюции эстафеты. На первом этапе любое подражание является целенаправленным (его показатель – полисемантическая элементов), затем воспроизведение образца превращается в навык, в привычку (значение элементов стандартизируется) а затем – в утрату цели (возникают ошибки в «употреблении» элементов).

²³ Безусловное – происходящее безотносительно к каким-либо обстоятельствам; условное – с наличием предварительной операции выбора образца; предметное – требующее выявления объектов копирования действия; оценочное – предполагающее возможность оценивать результат действия.

²⁴ О возможностях исторических исследований на основе теории М.А. Розова см., например: Квирквелия О.Р. Теория социальных эстафет: мысли вслух. – <http://anastasis.narod.ru/history/hvostova1.htm> (на 25.03.2012).

бой, не только восточный тип традиционной музыкальной культуры. С их помощью отчетливо высвечиваются причинно-следственные связи опасных для традиционной культуры тенденций. Одним из поводов для подобных опасений является уже затронутая выше проблема устное/письменное. Именно письменная фиксация может послужить фактором искажения способа передачи образа, соответственно – изменением типа эстафеты. В связи с этим обозначился ряд проблем, в музыкальном востоковедении особенно отчетливо проявленных при исследовании живой музыки профессиональной традиции. Дело в том, что в случае ее письменной фиксации исследователь имеет дело с некой застывшей структурой-схемой, но не с живым музыкальным организмом. Ключом к преодолению такой застылости стал подход к изучению творчества с позиций осознания закономерностей творческого процесса²⁵. А это значит – в той или иной степени затронут фактор эстафеты, присущей ему изначально (параметры исполнительского канона, закономерности и возможности импровизации, условия функционирования традиции и т. д.).

Завершая изложение, необходимо подчеркнуть: сформированная в трудах М.А. Розова теория носит общенаучный характер и может быть с успехом задействована в изучении проблем традиционной музыкальной культуры. Ее возможности актуальны для уточнения параметров, определения состояния и статуса всего многообразия традиций.

²⁵ Назову в связи с этим имена современных исследователей: А. Абдурашидов, Т. Мамедов, В. Юнусова, Г. Шамилли и др.

Литература

Дрозжжина М.Н. Художественная школа в каноническом искусстве: онтологический аспект // Музыка и ритуал: семантика, специфика: Материалы междунар. науч. конф. – Новосибирск, 2004. – С. 56–71.

Дрозжжина М.Н. К проблеме изучения традиций в современной восточной музыкальной культуре // Музыка тюркских народов: своеобразие и вопросы популяризации / Сб. статей и материалов междунар. науч.-практ. семинара. – Алматы, 2011. – С. 31–37.

На теневой стороне. Материалы к истории семинара М.А. Розова по эпистемологии и философии науки в Новосибирском Академгородке. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. – 412 с.

Розов М.А. Проблемы эмпирического анализа научных знаний. – Новосибирск: Наука; 1977. – 222 с.

Розов М.А. Методологические особенности гуманитарного познания // Проблемы гуманитарного познания – Новосибирск, 1986. – С. 33–54.

Розов М.А. Понятие исследовательской программы // Исследовательские программы в современной науке. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 5–27.

Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии / РАН, Ин-т философии. – М.: Новый хронограф, 2008. – 352 с.

Степин В.С. Философия науки и техники: учеб. пособие для вузов / В.С. Степин, В.Г. Горохов, М.А. Розов. – М.: Гардарики, 1996. – 400 с.

Сычева А.С., Быченко И.А. Традиции как объект социогуманитарного познания // Науковедение. – М., 2001. – № 2. – С. 158–171.